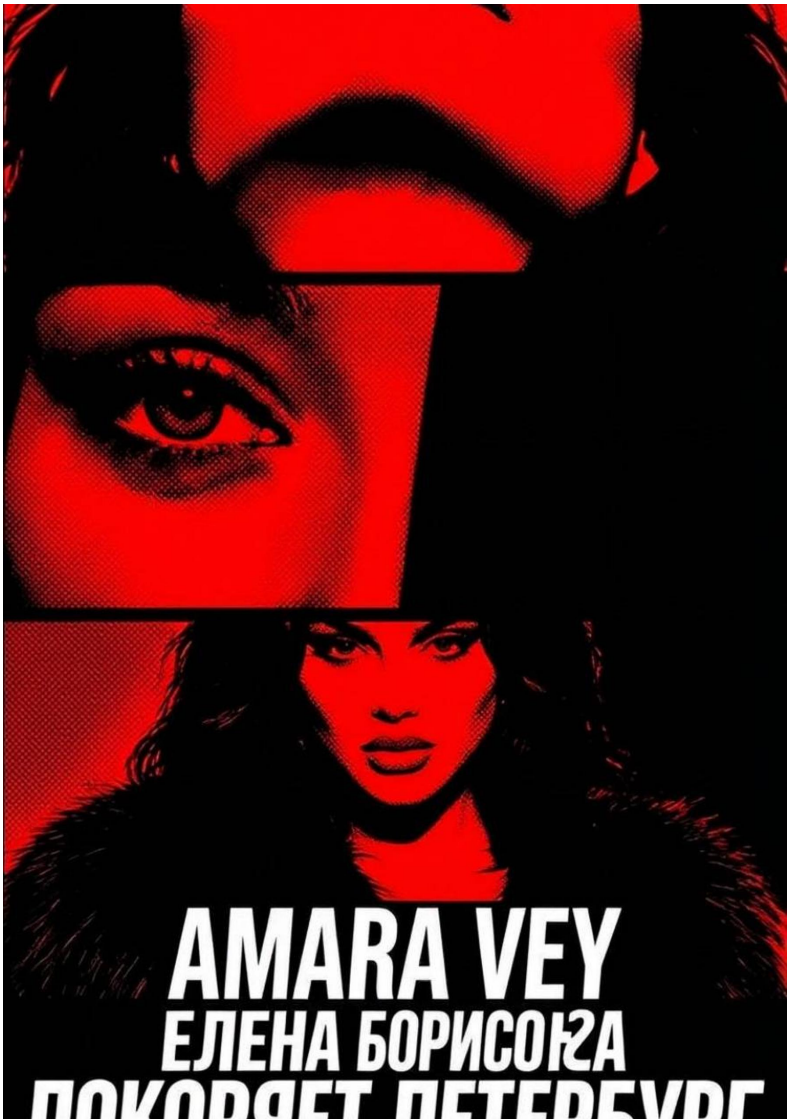
AMARA VEY
ЕЛЕНА БОРИСОВА
ПОКОРЯЕТ ПЕТЕРБУРГ

Amara Vey

ЕЛЕНА БОРИСОВА ПОКОРЯЕТ ПЕТЕРБУРГ

https://litres.ru/74680659
SelfPub; 2026

Аннотация

Елена Борисова приехала в Петербург с планом из трёх пунктов: работа, жильё, жизнь. План сработал — просто не так, как она ждала. Теперь она моет полы в детективном агентстве и знает главное правило этого места: при уборщице разговаривают, при уборщице оставляют то, что не показали бы юристу, а при уборщице случается то, чего не видит даже шеф. Женщину, которую никто не принимает всерьёз, ждёт самое горячее дело этого города — а врать она умеет только правду. Иронический детектив о том, что настоящее расследование начинается не с улик, а с тряпки и ведра

Amara Vey
ЕЛЕНА БОРИСОВА ПОКОРЯЕТ ПЕТЕРБУРГ

ЕЛЕНА БОРИСОВА ПОКОРЯЕТ ПИТЕР

Иронический детектив. Роман. Главы первая — восемнадцатая

Аннотация

Елена Борисова приехала в Петербург из Томска с банкой сгущёнки и привычкой резать всё по два. Через месяц она стала уборщицей в детективном агентстве «Верность», через полгода — помощником детектива, а через год — главной уликой в чужом деле. Иронический детектив о женщине, которая умеет врать только правду, печь пирог на шестерых для двоих и доводить любое следствие до последней колонки таблицы. Восемнадцать глав, семь дел, один счёт, который сошёлся окончательно, — и новый, который только открылся.

Оглавление

Глава первая. Питер, пучок и две морковки, или Уборщица для детектива

Глава вторая. Ревизия по-уборщицки, или Тряпка, ведро и красная папка

Глава третья. Заступ, ведро и сделка века, или Ловко сориентировались

Глава четвёртая. Кашемировый муж, или Флирт не по адресу

Глава пятая. Кофе, конверт и герань, или Восемьдесят рублей за правду

Глава шестая. Пирог на шестерых, или Не ходите домой

Глава седьмая. Кольцо в банке сгущёнки, или Пирог на восьмерых

Глава восьмая. Лион, сыр после десерта и пустая приёмная, или Голос за бетонным забором

Глава девятая. Ведро и рубильник, или Голос с того света

Глава десятая. Склад номер четыре, или Подпись под чертой

Глава одиннадцатая. Клуша, особняк и часы с репетиром, или Свадьба по протоколу

Глава двенадцатая. Полтора миллиона и шестая чашка, или Кража по объявлению

Глава тринадцатая. Депозит по объявлению, или Докажите, что вы — вы

Глава четырнадцатая. Гладкий пол и тихая Жанна, или Копия без души

Глава пятнадцатая. Банка сгущёнки, меченые купюры и седьмая чашка, или Ревность начинается с переспрашивания

Глава шестнадцатая. Первое свидание, две внучки и мадемуазель с круассаном, или Дрожжевое мошенничество

Глава семнадцатая. Красная папка и пирог на двенадцать, или Заключительный счёт

Глава восемнадцатая. Дом мечты, партнёрский бейдж и клиентка в зелёном, или Продолжение следует

Глава первая. Питер, пучок и две морковки, или Уборщица для детектива

Меня зовут Елена Борисова. Не Елена Борисовна — Борисова, фамилия. Впрочем, меня всю жизнь путали: то Алёной назовут, то Александрой при всём коллективе. Я уже не обижаюсь. Елена, Алёна — для меня это вообще одно и то же имя, просто набранное разным шрифтом. Хотите называйте Алёной — отзовусь. Хотите Леной — отзовусь тоже, только быстрее.

Справка для читателя, чтобы дальше было проще. По паспорту я Алёна. Алёна Борисовна, если строго, — но я себя всю жизнь называю Еленой. Во-первых, потому что имя это мне нравится: красивое, ладное, тысячу лет в обиходе, не к нему пристают дразнилки и уменьшительные, от которых у меня сводит скулы. А во-вторых — и это главное, — имя должно подходить характеру. Характер у меня стойкий: скажу прямо, что думаю, при несправедливости — тем более, и скажу так, что неделю потом слуховой проход чешется. Молчать я не умею и не хочу — не тот человек. А Алёнка — имя мягкое, из тех, что прощают. А я, между нами, прощать красиво как раз не умею. Так и живу: паспорт говорит «Алёна», я отвечаю «Елена», и обе мы правы, потому что спорить с

собой у меня никогда не получалось.

Родом я из Томска. Город, между прочим, замечательный: деревянные кружевные домики, все окна в резьбе, и такой снегопад весной, что школа превращается в декорацию к фильму «А зори здесь тихие». Мне сорок четыре года. Овдовела — что по личным ощущениям то же самое, что развелась, только плакать законнее. Сергей болел долго, тихо и, как положено в приличных семьях, не сообщал мне о тяжести ровно до того момента, когда сообщать стало нечем. Я готовила ему бульоны, он сжигал их температурой, и так — два года. Потом привычка «готовить на одного» въелась в меня так глубоко, что я ещё долго покупала в магазине две морковки и резала их с чувством, будто готовлю двоим.

Дочь у меня взрослая. Наташа. Сама сдаёт сессии, сама расстаётся с придурками и сама мне об этом сообщает — постфактум, когда всё уже решено. Разговор наш перед моим переездом состоялся ровно такой, каким его предсказывала любая мать на моём месте.

— Мам, ты точно хочешь уехать? — спросила она по телефону.

— Точно, — сказала я.

— А что ты будешь там делать?

— Жить, — сказала я.

— Мам. — Пауза. Наташа умеет молчать так, что за две секунды успевает прожить всё: разочарование, тревогу, обиду, что её не позвали, и снова тревогу. — Там же на одну

зарплату не очень.

— Я сорок четыре года жила в городе, где на одну зарплату не очень, — сказала я. — Разберусь.

После мужа я пыталась строить отношения. Построила — а жить в них оказалось сыро и сквознячно. Мужчина был нормальный, даже хороший, но с ним я почему-то всё время старалась выглядеть умнее, элегантнее и веселее, чем была, а это, скажу вам, работа в три смены без выходных. Расстались честно. Он даже не заметил, что я устала, — вот это и был ответ.

И вот, собрав волю в кулак, а деньги — в косметичку, я переехала в Петербург.

Деньги, заметьте, заняла у знакомой. Триста тысяч под честное слово. Знакомая Вера плакала от того, что я уезжаю, и от того, что даёт деньги, — по-моему, у неё просто хороший голос для слёз и врождённая интуиция «а вернут ли». Верну, Верочка. Обязательно.

— Лена, а вдруг ты там пропадёшь? — сказала она, пересчитывая купюры.

— Вера, — сказала я, — я сорок четыре года пропадала в Томске. В Петербурге я хотя бы появлюсь.

Внешность у меня, если оглянуться в зеркало честно, элегантная. Не красавица — а элегантная, это другое. Словно человек по себе: ни худее, ни толще. Волосы я всегда собираю в пучок. Не потому что ленюсь — потому что пучок делает из сорокачетырёхлетней женщины ровно то, что нужно:

строгость с изюминкой. Ресницы у меня накрашены всегда, даже когда я беру кредит. Губы — тёплый розовый, маникюр — гель-лак, обычно под цвет настроения. Смуглое лицо и карие глаза достались мне от бабушки, за что ей отдельное спасибо: лицо со смуглостью всякие драмы переносит лучше — морщин меньше видно, а драмы я себе, скажу честно, устраивала охотно.

Накануне отъезда я разбирала шкаф и нашла свадебное платье. Белое, шёлковое, двадцать один год ему, если считать по пуговицам. Выбросить в Томске я его не смогла. Не потому, что ношу в нём какие-то светлые воспоминания, — а потому, что выбросить платье, в котором ты была молода и счастлива, это примерно как выбросить словарь: знаешь, что не понадобится, а рука не поднимается. Платье поехало со мной на дно чемодана, вместе с зимним пуховичком, пилой и банкой сгущёнки.

В поезде Томск — Петербург я ехала трое суток. Попутчицей мне досталась женщина с саквояжем по имени Тома, которая всю дорогу ела инжир. Сушёный. Она раскладывала его на салфетке, как драгоценности, и каждые сорок минут спрашивала: «А вы куда?» — «В Петербург». — «А вы туда?» — «В Петербург». К третьим суткам мы исчерпали тему и разговаривали уже просто глазами.

План у меня был выработан заранее, при ночных подсчётах на кухне, размером с формулу однушки: один. Найти работу. Два. Найти жильё. Три. Найти жизнь. Пункты казались

логичными, пока поезд не подъехал к Московскому вокзалу.

Питер встретил меня, как встречает богатый родственник бедного: сухо, с одолжением. Сначала он принял у меня чемодан, а потом выставил счёт — в виде квартиры, которую я сняла за половину занятых денег. Однушка, четырнадцать метров. Хозяин, Валерий Аркадьевич, гордился тем, что «всё минимально». Кран — не крутить сильно. Плиту — включать на тройку. Сосед сверху, Геннадий, — это не он ходит, это у него привычка такая.

Первую работу я нашла быстро, и работа была — маляр. Да. Та самая женщина в пучке и с гель-лаком, что пахла краской и солидолом и красила квартиры. Ожидала я, естественно, Питер возможностей: витрины, заграница, карьера. Возможностей — много не было. Была подсобка, была стремянка, была мастерица Люда.

Люда — это отдельная глава этой главы. Она могла за одну смену научить держать валик так, чтобы не капало на паркет заказчика, и за ту же смену сообщить мне всё о своей жизни, начиная с подруги Светы, которая, по её мнению, отбивала у неё мужа ещё в две тысячи девятом, а может, и не отбивала, но пусть попробует доказать. Люда впервые увидела мой маникюр на третий день и спросила:

— А это зачем?

— Красиво, — сказала я.

— Оно ж облезет, — сказала Люда с чувством глубокого, почти материнского сочувствия.

И облезло. К вечеру третьей недели гель-лак цвета «байкальский шторм» стал выглядеть как «байкальский шторм после нефтепровода».

Заказчики бывали разные. Одна женщина, узнав, что я «малярша», угостила меня пирогом и подробно рассказала о том, что сын её недооценивает. Другая — заставила переделать весь потолок, потому что «свет от потолка идёт неправильно». Я перепокрасила. Свет от потолка пошёл по-прежнему неправильно, но под шумок Люда получила премию, а я — опыт.

Потом судьба сжалилась и перекинула меня в «ВкусВилл». Сначала продавцом, потом администратором зала. Ох, не думала я, что сорок четыре года — это возраст, когда хочется, чтобы слово «менеджер» звучало красиво. Стало звучать.

Коллектив подобрался живой. Девчонки называли меня «Лен, выручай», и я выручала. Через полтора года мне предложили должность директора магазина. Я отказалась.

Не потому что глупая — наоборот. Я посчитала: у меня спокойные отношения с людьми, любимое дело, сама себе хозяйка жизни. Зачем мне лишние ночные отчёты и план продаж, от которого седеют даже двадцатилетние? Не глупая — отказалась. Сказала директору: «Мне для счастья достаточно видеть вас по праздникам». Директор обиделся, но так, по-доброму.

Инну я встретила там же, в магазине. Точнее — не встре-

тила, а постепенно разглядела: приходит, уходит, дежурит в одну смену со мной, слушает мои истории про Томск с тем выражением лица, которое у нас у всех отточено: «как интересно». Потом стало не «как интересно», а по-настоящему интересно, потому что Инна оказалась смешной.

Внешность у Инны была такая: метр пятьдесят шесть в сапогах, глаза серые и всегда слегка удивлённые, волосы крашеные в медный — «чтобы не тратить деньги на покраску в седом», — и вечный маникюр цвета карамели. Ходила она в бежевом, будто специально дрессированная под цвет своей натуры. Смеялась Инна, запрокинув голову.

У нас образовался вторничный ритуал: кофе «три в одном» — она настаивала, что это единственно правильный кофе, потому что «в растворимом есть вкус мечты», — и раз в месяц пирог с капустой, испечённый на шестерых, хотя нас всегда было двое. «На шестерых, — объясняла Инна, — потому что если испечь на двоих, это будет пирог. А если на шестерых — это уже изобилие». Это была самая Иннинская из Иннинских фраз.

Один раз она оставила у меня ключ от квартиры. Просто так, «на всякий случай». Ключ был странный, тяжёлый, на кольце с фигуркой кота. Мне это было не по дороге — живёт она в спальном районе, я в другом. Но я ключ приняла. Почему приняла? Да потому что сорокачетырёхлетняя женщина без замужества, с одной дочкой на расстоянии и с полным пониманием, что такие ключи просто так не оставляют.

Инна говорила: «Вдруг ты захочешь полежать у меня, когда совсем устанешь».

Словом, из всех людей Петербурга она была ближе всех. Хотя, повторяю, к себе мы друг друга не звали. Идеальный формат для сорокачетырёхлетней женщины. Никто не грузит, а тепло есть.

Николя появился позже — на выставке в Манеже, где я, между прочим, пыталась скрыть от охраны, что стою уже второй час у одной и той же картины и размышляю о жизни. Он подошёл и сказал с акцентом, от которого у меня внутри что-то переступило:

— Извините, вы стоите уже сорок минут. Хотите, я вам расскажу, что художник имел в виду? Или вам не стоит знать? Вы явно придумали что-то интереснее.

Николя Морель. Француз. Лет на пять-шесть старше меня — значит, около пятидесяти, хотя в его паспорте, уверяю вас, было меньше. С проседью на висках, которая ему шла. С глазами карими и очень внимательными, как у врача. Высокий, худощавый. Двигался он спокойно, как человек, который никогда никуда не опаздывает, потому что не считает нужным. Одевался он так, что сначала не замечаешь, а потом понимаешь: куртка простая, но на два размера больше, потому что должен быть воздух между тканью и телом. Обувь всегда чистая. Жесты медленные, европейски-вежливые.

Биография у него, как выяснилось позже, была короткая и, как у любого мужчины после пятидесяти, живущего в чу-

жой стране, печальная. Лион, молодость, женитьба — на Жаклин, тоже, конечно, несчастной, потому что она, видите ли, хотела от него слишком много, а он не умел ей это давать. Дочь Марго. Развод. Жалеть он, по его собственным словам, не умеет: «жалеть — это как мыть пол в чужой квартире: руки в грязи, а пользы тебе».

Приехал он в Россию давно. Сначала работал в фирме, которая его не вдохновляла, а потом открыл курсы французского языка: маленькие, честные, с плакатом Парижа вместо портрета директора. Учеников у него было двенадцать, и все двенадцать характеров он знал до самого дна. Мужчины его возраста, как выяснилось, вообще существуют в двух ипостасях: либо учат чему-нибудь, либо кого-нибудь. Николя выбрал гуманный вариант.

Живём мы с ним вместе и по сей день — в моих четырнадцати метрах, что стало для всех окружающих непроизносимой смешной историей: француз, у которого в Лионе остались бывшая жена и дочь, живёт в однушке у Валерия Аркадьевича и по утрам здоровается с хозяйским котом Барсиком через окно. Разъезжаться нам, слава богу, не пришлось: поезда, как выяснилось, умеют и стоять на одном пути, если сигнальный огонь у обоих зелёный. Не хлопал дверью, не оставлял записок — просто потому, что никуда не уходил. И это, если честно, самая спокойная глава моей жизни.

А потом Инна не пришла на работу.

Уточню: Инна не приходила на работу часто, но всегда

предупреждала. Она была, как и я, человек ответственный до тошноты. А тут — ни звонка, ни сообщения.

День первый мы — то есть я — переживали спокойно: авось заболела, авось телефон сел. Позвонила в обед — «абонент не отвечает». Позвонила вечером — «абонент не отвечает или недоступен, оставьте сообщение после сигнала».

День второй у меня сорвался с петель.

К обеду я собрала себя по кусочкам и поехала к ней домой. Адрес я знала: спальный район, как у нас все районы, только чуть в другую сторону, где дома чуть новее и дворы чуть печальнее. Однушка на седьмом этаже. Я вошла в подъезд, и мне сразу не понравилось: слишком тихо, слишком пусто, в лифте воняет табаком. Дверь обычная, обшарпанная.

Я позвонила. Раз. Два. Тишина. Начала стучать — не так, чтобы скандалить, а так, чтобы соседи уже хотя бы открыли и объяснили, где я. Дверь вдруг распахнулась.

— Инна?

В прихожей пахло несвежим воздухом. Внизу, на линолеуме, лежала тапочка — одна, правая, карамельного цвета. Дальше — кухня. На кухне, между холодильником и окном, лежала Инна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.